

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Калмыцкий язык с точки зрения фонетики и морфологии исследован довольно обширно. Иначе обстоит дело относительно лексикологии. В частности в описательно-нормативном плане словарный состав калмыцкого языка совершенно не изучен. В настоящей статье делается попытка в кратком виде осветить основные вопросы лексикологии современного калмыцкого языка.

Семасиология (семантика)

Семасиология является одной из важных отраслей языкознания, изучающей значения слов и устойчивых выражений и их изменение в различных речевых ситуациях, т.е. интересующейся внутренней или смысловой стороной слова.

Слово имеет одно или несколько лексических значений. Если оно однозначное, то его называют моносемичным: дөөсн "веревка", ааһ "чашка", эмэл "седло", шикр "сахар", аһар "воздух", сүүдр "тень", седкл "желание" и т.д. В этом случае как сами вещи, так и названия их находятся между собой в прямой пропорции: слово — вещь, т.е. слово употребляется только в прямом и конкретном своем значении. Однако таких слов в калмыцком языке, как и в любом другом, не очень много. Большинство слов калмыцкого языка имеют более одного значения. Когда слово приобретает два и более значений, оно становится многозначным или полисемичным: залу "мужчина; муж; молодой", улс "народ, население, держава", мөн "да, правильно; совершенно, именно так", дөрө "стремя, педаль, лестница", дор "внизу, вниз, под; хуже", зерг "ряд, звание, степень, чин, ранг, титул; одновременность", цацу "равный, ровно, одинаково, одновременно; как только" и т.д.

С течением времени у слова могут развиваться новые значения. Так, например, слово толһа некогда, наверняка, имело одно значение "голова" (у живых существ). Сейчас оно выражает несколько понятий: толһа дээр һәрх "возвратиться на возвышение", толһате күн "толковый человек", һарддэрин толһад

"во главе руководства". Слово гер в кочевой период калмыков означало "кибитка, юрта". Теперь носители языка понимают его и как "дом, здание, квартира". Тот же семантический путь прошло и слово келги, которое раньше отражало понятие "гужевой ~ верховой транспорт", в первую очередь конный. Для современного носителя языка это слово стало означать всякое средство передвижения, и, конечно, прежде всего - автомобильное.

Полисемия

Многозначность связана с тем, что названия одних предметов или явлений переходят на другие, или у одного и того же слова развивается новое значение или комплекс новых значений: һол "спящий мозг" - һол "сердцевина" - һол "река" - һол "коренной"; ул "подшва обуви" - ул "остов горы" - ул "фундамент" - ул "база, основа"; дуудвр "призыв, зов" - дуудвр "обращение"; даалһвр "поручение" - даалһвр "задание", түмн "десять тысяч" - түмн "множество". Расширение семантики слова идет и путем переосмысления исконного его значения: үр "сверстник" - үр "товариц"; эмтн "все живое существо" - эмтн "люди, человечество", харсаг "заступник" - харсаг "защитник" (спорт); жолач "кучер" - жолач "ведущий за собой".

Многозначность слова - явление положительное, в котором отражается внутреннее богатство языка. Полисемичностью обладают обычно исконные слова, а не заимствованные.

В калмыцком языке наличествует несколько типов многозначности.

Метафора. Это самый распространенный вид полисемии. При ней наименования переносятся с одних вещей на другие, чем-то похожих на первоначальные. Примеры, основанные на сходстве различных признаков предмета и явлений:

метафоры по форме - кели "язык" (анат.) - хавхин кели "язычок капкана", сала "разветвление пальцев" - һолнн сала "рукав реки", ора "крыша" - уулын ора "вершина горы" - тецгрин ора "высь неба" - күүнэ толһан ора "макушка головы человека" - модна ора "вершина дерева";

метафоры по функции - дивр "крыло птицы" - самолетин дивр "крыло самолета", хамр "нос у человека" - хамр "возвышен-

ность";

метафоры по схожести других сторон вещей: керин "корабль" – теегин керин "верблюды" /букв. "степные корабли"/, алтн "золото" – алтн хамтхасн "желтые листья дерева" /букв. "золотой лист"/, шатх "гореть" – кедлмштэн шатх "целком отдаваться работе" /букв. "гореть на работе"/, кийтн "мороз" – кийтн хэлэц "холодный взгляд", догшн "злой" – догшн салькн "свиристый ветер".

Различаются метафора языковая и метафора литературная. В языкознании метафора – это любой перенос названия по сходству. Литературная метафора, особенно поэтическая, обладает высокой экспрессивностью и представляет собой троп или образное выражение.

Метонимия. Это перенос названия не на основании сходства внешних или внутренних признаков нескольких вещей, а на основании смежности самих предметов, т.е. соприкосновения вещей в пространстве или во времени.¹ Здесь два или более предмета или явления, поименованные одним названием, должны быть смежными.

Типичные метонимии обычно строятся по определенному принципу, например, одно на другом: цаасн "бумага" /материал/ и цаасн "документ", ширэ "стол" /мебель/ и ширэ "трон" /власть/; одно под другим: эрк "кошма, закрывающая верхнее отверстие юрты" /т.е. часть юрты, например, эркэн секх "открывать дымовое отверстие юрты"/ и эрк "семья, семейство" /т.е. люди под одной крышей, например, нег эркин улс "люди одной семьи" или эрк эндэлх "обзавестись семьей и продолжить род"/; одно в другом: гер "юрта" /например, гер тэвгдв "юрта поставлена"/ и гер "семья, домохозяин" /например, нег гер нүүж ирв "прикочевала чья-то семья"/ и т.д. Такая смежность обуславливает, о чем свидетельствуют примеры, появление у слова двух и более значений.

Примеры метонимии, основанной на пространственной смежности: хотн э-чимэн уга бээшго "хотон /село/ не будет молчать" – "люди хотона не будут молчать", хош нүүж одв "стан перекочевал" – "люди со скотом переехали на новое место",

сәлән бүкдән кедимит һарь "село целиком вышло на работу" - "все люди села вышли на работу", һег шил бүкднһ уучкв "выпил целую бутылку" - "выпил все содержимое в бутылке", һег һаһз татчкв "искурил трубку" - "искурил весь табак в трубке", һе идчкз "съел овцу" - "съел баранью тушу - мясо".

Метонимия, построенная на временной смежности: кедимит әрүн әрт әкмәд, аска ора төгсв "работа началась рано утром и закончилась поздно вечером" указывает на процесс труда. Бяһсн кедимтән тәр һәһд илгәв "он прислал мне свою рукописную работу" указывает на результат работы - сочинение. Дәгтр орчулһн - күнд кедимит "перевод книги - это сложная работа" называет ход действия. Дәгтриһ орчулһн сән болд "перевод книги получился хорошим" показывает на итог работы.

Примеры на другие типы метонимии. Слово называет и материал, и изделие из него: цә "чайные плантации" - цә "высушенные и обработанные листья чайных растений" - цә "выпиток"; тәмк "растение, содержащее никотин" - тәмк "высушенные и изрезанные или растертые листья этого растения, табак"; оһсн "конопля" - оһсн "веревка, шпагат из ниток, дратва"; мөцгн "серебро" - мөцгн һш "серебряная ручка"; адтн "золото" - адтн деевр "золотая крыша"; цаһан маһн "прямая клевка" (анат./ - цаһан маһн "особо приготовленная мясная колбаса"; цусн "кровь" - цусн "кровяная колбаса" и т.д. Из примеров видно, что при метонимическом переносе меняется не только вещь, но и само первоначальное понятие в целом.

Метонимия в калмыцком языке может выражаться разными частями речи. Но больше всего ей бывают имена существительные и прилагательные. Например, иһәдтә күн "веселый человек" - иһәдтә дәгтр "веселая книга", т.е. "книга которая веселит человека". Благодаря смежности таких предметов, их признаки определяются одним словом иһәдтә. То же самое можно пронаблюдать и в примере адта гер "дом для сумасшедших" (букв. "сумасшедший дом") вместо адта улс бәәдг гер.

В разговоре или в художественной литературе метонимия используется как художественный прием, как средство украшения речи. Поэтому она часто встречается при устной беседе, в са-

тирических или юмористических рассказах для образного выражения мысли, например, чийкэ арси "только что снятая шкура животного" (букв. "мокрая шкура") - чийкэ арси бээдлч "оказывается, ты тьюфак, никуда не пригодный человек", цалм "аркан" - "Цалм" /сатирический уголок в газете "Хальмг үнэ"/, күүнэ домбрт баялх "плясать под чужую домбру" - "находиться в зависимости от кого-либо, угождать кому-либо", мал "скот"-махлата мал "балбес" /о человеке/.

Синекдоха - вид полисемии, употребляющийся и как название целого, и как название части этого целого. Существенным для синекдохи является количественный признак - соотношения вещей: большее к меньшему или меньшее к большему. В калмыцком языке в основе такого переноса лежат следующие соотношения:

1/ когда вещь в целом получает название по какой-либо ее части: үлү амн-хотыи һару "лишний рот - лишний расход", где под словом амн "рот" подразумевается человек. Күүнэ чирэ хэлэх "смотреть на чужое лицо", т.е. лицедерничать. Здесь чирэ "лицо" заменяет человека. Эп кедлмшиг нег һарар оруулс болхла, сэн болх билэ "было бы хорошо, если бы эту работу пропустили через одни руки" - под словом һар "рука" имеется ввиду человек;

2/ когда через общее название предмета получает название часть этого же предмета: толһач "руководство, начальство" - мана толһач аашна "начальник наш идет", йөксүд "племя йоксид" - йөксүд көвүн "мальчик из племени йоксид", то "число, счет, численность" - то "цифра";

3/ когда родовое название употребляется вместо видового: модн "дерево" вместо, например, хусм "береза", харһа "ель", уласн "тополь"; өвсн "трава" - шарлжн "полынь", буя "лакрица", бардмч "чернобыльник"; мал "скот" вместо любого вида скота и т.п.

Омонимы

Слова одинаковые по звучанию, но совершенно разные по значению, в лингвистике известны как омонимы.

В калмыцком языке различаются следующие типы омонимов:

I/ лексические омонимы или собственно омонимы - хурһи "пле-лец" - хурһи "ягненок", үси "волосы" - үси "молоко", ач "за-слуга" - ач "внук", ер "заря" - ер "недра земли". Встречают-ся тройные и более омонимы - цар "вол" - цар "парша" - цар "жернов", үлгүр "поговорки, пословицы" - үлгүр "пример" - үл-гүр "выкройка", ки "газ" - ки "грязь" - ки "мимо";

2/ грамматические омонимы или омоформы: һар "рука" (сущ./ - һар "выиди" (глагол. повел.накл.), ке "нарядный" (прил.) - ке "делай" (глагол.), улм "болото" (сущ.) - улм "еще путь"(нар.), чи "ты" (мест.) - чи "вишня" (сущ.). Бывают омоформы, выра-женные в трех и редко в четырех грамматических категориях: чис "шест" (сущ.) - чис "совершенно" (нар.) - чис "все"(мест.);

3/ фонетические омонимы или омофоны. При них слова произ-носятся одинаково или почти одинаково, но пишутся с некото-рым различием: ең "каприза" - еңг "ковш", сең "тост" - сеңг "одня из пары", зун "сто" - зун(о) "осень".

Синонимы

Калмыцкий язык очень богат синонимами. Они встречаются среди различных частей речи: имен существительных, прилагательных, наречий, глаголов и т.д.

Синонимия противоположна и полисемия, и омонимия. Если последние две семантические группы похожи друг на друга тем, что в них одна и та же форма наполнена разным содержанием (тэмк "табачное растение" - тэмк "курево"; һу "балка, канал" - һу "дня"), то синонимы - это близкие по содержанию, но разные по звучанию слова: цуугән-кердән "ссора", ухата-тол-һата "умный", чирэ-нүр "лицо человека, физиономия", уурлх-шоодх "ругать, бранить".

Группа синонимов близких или одинаковых по значению образуют синонимический ряд. В калмыцком языке их несколько :

I/ синонимическая пара тождественная, т.е. такая, в ко-торой значения слов совпадают полностью или близки к этому: идх - эдлх "есть", аяртан - асхдан "вечером", эңгдән - эр-гмдән "кругом, повсюду". Число синонимов этого ряда в кал-мыцком языке насчитывается немного, и многие из них стремят-ся к дифференциации по значению. Так, слова адр и туурмд

означают "великий, доблестный, со славой". Теперь за словом аддр закрепилось значение "великий", а туурмд стало означать доблестный, слава". Одни из синонимичных слов вытесняются другими и становятся при этом или малоупотребительными, или вообще уходят в архаизм: слово эки некогда имело значение "девушка". Параллельно с ним с тем же значением употреблялось другое слово куукн. Теперь значение "девушка" закрепилось лишь за последним словом, и оно стало в этом значении общеупотребительным, а слово эки существует в современном калмыцком языке или как имя собственное Оки, или используется писателями в стилистически-экспрессивных целях в значении "красная девица". В одно время калмыки самолет называли ярплан (русск. аэроплан). Потом стали говорить ярплан и самолет. Теперь слово ярплан стало архаизмом, как и в русском языке;

2/ синонимическая пара по семантике не совсем тождественная, т.е. такая при которой каждый из компонентов ее содержит в себе известное различие в значении: үр - иньг "друг" (үр "товарищ", иньг "возлюбленный"), байрта - жирһлтэ "счастливый" (байрта "радостный", жирһлтэ "счастливый"), шав - шарх "рана" (шав "рана", шарх "болячка"), дүлэ - таңх "глухой" (дүлэ "глухой", таңх "совсем глухой"), бичг - тамһ "письмо" (бичг "письмо", тамһ "тавро, клеймо"), көк - цеңкр "синий" (көк "синий", цеңкр "голубой");

3/ синонимы стилистические, различающиеся особой окрашенностью: мөрн - күлг "лошадь", хулхалх - тонх "обокрасть", идх - зооглх "есть", в которых первые слова являются общеупотребительными, вторые - стилистически окрашенными: күлг "сильная молодая лошадь" чаще употребляется в поэтических жанрах, тонх - в литературе, зооглх - для выражения высокого стиля;

4/ синонимы, отличающиеся один от другого степенью современности: энчин - тулһу "освротевший, одинокий", төгр - мөндгр "круглый", шава (цусн) - ножд "застывшая кровь", дилон "год". Каждое второе слово из этих рядов относится к устаревшей лексике;

5/ синонимы, различие между которыми заключается в сфере употребления: таг - тэвд "полка", хавг - дураг - чанач "тыква", буудя - зарм "зерно". В приведенных примерах (более широкое употребление получили) слова первого ряда (я потому они) приняты в норму литературного языка, хотя оба варианта рядов по происхождению являются диалектными, т.е. дербетским и торгутским;

6/ фразеологические синонимы (устойчивые выражения или словосочетания): аман аңһах - алдчх "прозябать", дилыр-бэ-рх - шуух "одержать победу", бахан хаңһах - цадх "насытиться", зуркн тусх - дурлх "полюбить", э-чимэн уга - тагчг "тихо, глухо", нарт-делкэ - орчлц "вселенная".

Синонимические ряды могут состоять не только из двух, но и более членов: чиикте - шал-уси "совершенно мокрый", чидлэ-күчте - маңһс "сильный, мощный", дала-олн - түмн-шора "множество" и т.д. Важно при этом отметить, что в любом синонимическом ряде одно из слов выделяется как главное. Ведущими во всех приведенных двучленных и многочленных примерах являются первые слова.

Антонимы

Эти слова диаметрально противоположны по значению и выражают соотносительные друг с другом понятия: цаһан "белый" - хар "черный", ик "большой" - бичкн "маленький", эклц "начало" - чилгч "конец". Такое противоположное значение имеют только те слова, которые обладают качественными, количественными, временными и пространственными значениями: сэн "хороший" - му "плохой", цөөкн "немного, несколько" - олн "много", шу-дун "быстрый" - хащц "медлительный", хурдн "быстрый" - удаң "долгий", герл "свет" - харцһу "тьма", зун "лето" - увд "зима", өдр "день" - се "ночь", өрүн "утро" - аскн "вечер", эрт "рано" - ора "поздно", өөрхн "близко" - хол "далеко". Но чаще всего такие пары образуют качественные прилагательные и наречия качества.

Антонимические пары могут составить и некоторые послелогия: деер "наверху" - дор "внизу", өөр "вблизи, возле" - хол "вдали", өмн "вперед" - ард "позади", отрицания уга "нет" с

глаголом бээнэ "есть", биш "не" с утвердительной частицей мен "да", слова с отрицанием эс "не" и без него: юңгад эс меднэч? "почему не знаешь?" – меднэч "знаешь". При отрицательных частицах слова антонимы чаще бывают однокорневыми.

Однако в природе вещи и явления не всегда противопоставляются друг другу. Поэтому далеко не все слова имеют антонимические пары. Нет антонимов у существительных с конкретным или прямым значением, у прилагательных, обозначающих названия цветов, кроме слов цаһан "белый", хэр "черный", у количественных и порядковых числительных, у местоимений, за исключением пары эврэ "свой" – күүнэ "чужой", собственных имен: Бадм, Эрднь, Санж и т.д.

В калмыцком языке встречаются и такие случаи, что слова в одном случае имеют антонимы, в другом – нет. Например, к таким словам, как сар "луна", өөки "сало", теңгр "небо", усн "вода", взятых в изолированном виде, невозможно подобрать слова, противоположных в значениях. Однако в определенных контекстах они могут приобрести контрастные пары: Сар кеду герлэ болыч чигн нарна өдлцгэ "Месяц каким бы он ни был светлым не сравнивается с солнцем", Мөңдүрк өкиэс эндрк оошг "Чем завтращнее сало (ждать), лучше сегодняшнямч легкими (обойтись)". Уснас урһц шавшг, шораһас тооса гүргдг "От воды – урожай, от мусора, – пыль". Теңгр өндг, һазр авдг "Небо дает, земля забирает".

Антонимы широко употребляются как в устной речи, так и в художественной литературе для резкого противопоставления признаков.

Антонимы, как сильное стилистическое средство, часто используются в калмыцком фольклорном жанре, например, в героическом эпосе "Джангар":

Үкл уга мөңкин өтә,
Үрглад хөрн тавн наснь дүрэр бээдг,
Үвл уга хавриң кевәр,
Зун уга намрар,
Даврх кийтн угаһар,
Халх халун угаһар,

Сер-сер гисн салъкта,

Бур-бур гисн хурта

Бумбин ори болна.

Счастье и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда – весна,
Где несмолкая ведут хоромы свои
Жворонки сладкоголосне и соловья,
Где и дожди-подобни сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где молоды все,
Благоуханная сильных людей страна,
Обетованная богатирей страна;

в пословицах, поговорках и загадках: Му күн модн көшэ, сэн күн сөөвүр дора "Плохой человек, что идол деревянный, хороший – что иноходец добрый". Хатуг жөөлн идг "Твердое покрывается мягкому". Мергн эрдм дотр нуух, мунхг эрдм амнд бэрх "Мудрый хранит свои достоинства при себе, глупый держит их за язык". Хашань праһан, хөнь хар "Ограда белая, овцы черные": отгадка – "бумажка и письмо". Чи тендөһүр йов, би эн-дөһүр йовсв, хаана үүнд одж харһий "Ты иди по той стороне, я пойду по этой, и у двери хена мы встретимся": отгадка – "два конца тесьмы, опоясывающие юрту"; в сказках: Экинь күүкөн сурһжана: "Күүкм, ода насн-цагчи болад, күүнө һаза оди гһөд бөөвүч, күүнө һазр күчр гидг, күрни махи һашун гидг, эврэ һазр эңкр, элка махи энтөхи гиж кедг. Күүнө һаза ирси күн көлөи чаңһад вшкх кергтэ, ахиг адд күндях, дүүг делм күндях – гидг үлгүр бөөдг эс билэ" (Х.т., II б., 225) Мать поучает дочь: "Дочь моя, пришло твое время, настала поря покинуть родные места. Чужая земля не мила, как мясо хорька /зверька/ горька, своя же земля дорога, как мясо-печень сладка. В чужих краях человек должен твердо ступать по земле, старших не сажень уважая, младших на полсажень уважая – не так ли пословица гласит".

Калмыцкий язык довольно богат парными словами, построенных по принципу антонимичности: ах-дү "братья" (букв. "старший брат – младший брат"), эх-зах "последовательность, по-

рядок" /букв. "начало, край"/, хаза-дота "везде, всюду" /букв. "снаружи - внутри"/, деер-дор "наверху-внизу", ору-пару "оборот материальных средств" /букв. "прибыль, расход"/, ик-бички "всякие по возрасту" /букв. "старшие, младшие"/ и т.д.

Табу и эвфемизм

Довольно распространенное явление в различных языках - это табу. Сам термин заимствован языкознанием из религиозных обычаев индонезийских племей и по смыслу означает "неприкосновенный, запретный", соответствует калмыцкому деер.

Следует подчеркнуть, что слова табу в калмыцком языке носят почти пережиточный характер и по мере все большего приобщения их носителей к социалистической культуре они все дальше уходят от современной действительности. Сейчас табу в калмыцком языке, можно сказать, вовсе не появляются. В народе бытуют /да и то в речи узкого круга людей пожилого возраста/ только те табуистические слова, которые были изобретены в далеком прошлом.

Как известно, раньше у калмыков запрет налагался на различные слова и предметы. Например, женщина калмычка не имела право публично называть имя своего мужа, его родственников, а также произносить слова, имеющие какое-либо отношение к этим именам. В силу этого она должна была придумывать свои особые слова, заменяющие прямые наименования вещей, например, собственное имя Улан заменялось словом Нелэн. Отсюда и цветочное прилагательное улан "красный" также передавалось тем же вторичным словом нелэн. Чона /собственное имя от чон "волк"/ - Белтрег /букв. "волчонок"/ и т.д.

Табу первоначально возникли на почве мифологических верований, предрассудков, точнее говоря, суеверного страха человека перед злыми силами. Однако появление таких слов в основе своей имело и другие мотивы. В калмыцком языке можно обнаружить и такие слова, которых в соответствии с правилами приличия и вежливости нельзя было произносить в культурном обществе, например, агтих "кастрировать", геста "беременная" /букв. "с животом"/. Причем, запрет на произношение подобных слов налагался не только на женщин, но и на любого члена се-

мья. В замен им употреблялись смягченные слова ясх (букв. "поправить"), кел күнд (букв. "нога тяжелая").

Все то, что относится к смерти и болезням, люди часто стремятся назвать как-то помягче, например, понятие о смерти үкх "умереть" они выражают несколькими глаголами и глагольными сочетаниями того же значения, что и үкх: өңүрх "скончаться", залрх, сөөнь орд төрх, сөөһөн хээх "вознестись" эмнь һарх "испустить дух"; состояние гемтэ "больной" передают словами шалтгта, эрмдгтэ, шартэ, бийнь эвго и т.д.

Люди избегают прямо называть ту или иную слабость человека, например, догшн цаһанд дурта күз "человек пристрастный к алкоголю" (букв. "человек, любящий белое зло") вместо эркнч күн; тату күн "умственно неразвитый человек" (букв. "недостаточный человек") - һэрг "глупец, глупый, дурак"; тонач "вор" - вместо прямого - хулхач.

Если в жизни встречаются ситуации, когда вещи нельзя называть своими именами, то, естественно, возникает потребность называть их иначе. Слова, употребляемые вместо запрещенных, в лингвистике известны под термином эвфемизмы, что значит по гречески "говорю вежливо".

В калмыцком языке встречаются различные случаи эвфемистической замены подлинного названия, например, ноһхн вместо күүкн "девушка", самһн в значении эмгя "старушка", арут - көвүн "мальчик", тээһн - ноха "собака", амбу - темэн "верблюд", улан юмп (букв. "красная вещь") - мяхн "мясо", вместо собственного имени домохозяйки нередко употребляется словосочетание хойр үст (букв. "имеющая две косы").

В качестве эвфемизма в женской речи часто выступает лично-притяжательное местоимение I-го лица мана "наш" с последующим словом күн "человек": мана күн "хозяйин дома, муж" (букв. "наш человек").

Для калмыков весьма своеобразными являются эвфемизмы, образованные путем замены начальных звуков некоторых слов согласным й: бор "серый, сизый" - йор, бөк "сильный" - йөк. Иногда в словах начальные согласные выпадают: Санж (собств. ямя) - Анж.

Существуют афемизмы, созданные по принципу "чтобы не оглядеть": Му Кәвүн — имя собств. /букв. "плохой мальчик"/, Хар Кууки /букв. "черная девушка"/, которые даются новорожденным детям как средство, предохраняющее их от злых духов.

Абстрактное и конкретное в слове

Многое из того, что окружает нас, является реально существующим, т.е. конкретным. В то же время в природе немало и такого, которого нельзя уловить ни одним органом восприятия, какими располагает человек. Все то, что относится к последнему, предстает перед нами в абстракции. Слова же, обозначающие эти отвлеченные понятия, составляют пласт абстрактной лексики.

Процесс развития абстрактного значения у слова связан с длительным историческим развитием самого языка. Поэтому, те языки, которые стоят на более высокой ступени общественного развития, соответственно располагают более широким словарным составом, выражающим абстрактные понятия.

Калмыцкий язык является языком до недавнего времени имевшим свою оригинальную письменность. Литературное наследие калмыцкого языка, представленное, в частности, устным народным творчеством, особенно эпическим, весьма богато, и оно впитало в себя достаточно много слов абстрактного значения.

Развитие в слове абстрактного значения переплетается с проблемой движения слова от прямого его значения к переносному.

Прямое и переносное значение слова

Слова существуют прежде всего в прямом своем значении. Не будь этого — в сознании человека все бы перемешалось и люди перестали бы понимать что их окружает. Другие, побочные значения слова — явление гораздо позднего времени, результат длительного исторического развития человеческого мышления и языка. Поэтому, например, слова селгэн "смена", хорн "яд", эки "головной мозг", боодг "связка", неря "ямя, название", харңду "темный" в первую очередь являются не чем иным, как номинациями в собственном смысле слова, а их переносные значения, приведенные в той же последовательности — "молодое

показание", "злоба", "ум", "плотина", "известность", "не-просвещенный" — есть плод образного мышления человека, что в свою очередь свидетельствует о довольно высоком уровне развития данного языка.

Говоря о переносном значении слова, однако, не следует думать, что всякое переносное значение уже есть факт языка. Переносное значение очень часто возникает как троп, а именно как литературно-стилистическое средство. Так, возьмем к примеру слово мерн "конь, лошадь". Переносное значение его, приобретенное в сочетании мерн гүүдэнэ "везет, сопутствует удача" (букв. "лошадь его бежит") — есть литературно-стилистическое выражение, не обязательное для каждого говорящего. Отсюда, следует различать переносные значения, представляющие собой факты языка, от образных метафорических выражений, не являющихся обязательным элементом речи. Вот почему они и не находят в словаре своего отражения, в то время как переносные значения даются в нем с пометой перен.

Однако, говоря так, ни в коем случае нельзя думать, что в общении вовсе можно обходиться без метафорического употребления слова, ибо последнее явилось бы одной крайностью, превращающей язык в сухой штамп, что на деле означало бы пользоваться языком анимичным, лишенным каких-либо живых красок, точно также, как чрезмерное увлечение им стало бы другой крайностью, создающей в языке много символического и условного.

Контекст

Он играет огромную роль в речевом общении людей. Как известно, слова в языке большей частью многозначны. Однако люди в разговоре достигают однозначного понимания. Это осуществляется благодаря контексту, который в данном речевом потоке устраняет полемсемию. Так, если слово утх взять в изолированном виде, как дано в словаре, то оно означает, во-первых, "нож", во-вторых, "суть, соль, содержание, смысл". Но понимание его именно в том значении, в какое мы разумеем в данном конкретном случае, достигается в контексте, в ок-

ружения других слов: утх авад ир "принеси нож", үгии утх "содержание, смысл слова". В примерах видно как контекст совершенно точно выявляет семантику данного слова в различных его окружениях и никто при этом не перепутает значение одного употребления со значением другого.

Основной словарный фонд калмыцкого языка

Лексика калмыцкого языка состоит из совокупности всех слов, имеющих в данном языке.

Главным ядром словарного состава калмыцкого языка является основной словарный фонд, куда в первую очередь входят все корневые слова. Этот круг слов в языке менее обширен, но более устойчив по сравнению с другими разрядами слов основного словарного фонда. Он в основном и служит базой для образования новых слов. Другой его пласт составляют некорневые слова, которые на данном этапе времени воспринимаются нами как корневые: ца-г-аан "белый", ца-сан "снег", ца-вь-дар "игривый", ца-вер "чистый", ца-гээн "светло-голубой, белесый". В них корень ца- /-ца-/ несет в себе общую идею.²

Основной словарный фонд калмыцкого языка состоит из общеизвестных слов, общеупотребительных для всех людей, говорящих на этом языке, независимо от того, где они живут, какова их специальность, каков возраст и уровень образования: хуица "одежда", хот "пища", теңгр "небо", һазр "земля", йовх "идти", келх "говорить".

В основной словарный фонд входят также и отдельные производные слова. Например, такие как малч "скотовод" от мал "скот", усльр "орошение" от усн "вода".

Исходя из функциональных способностей слова, весь лексический состав калмыцкого языка можно разделить на следующие типы слов: знаменательные (существительные, прилагательные, наречия, глаголы), местоименные слова, числительные, служебные и междометные слова.

Знаменательные слова составляют основной массив лексики калмыцкого языка и служат прежде всего в качестве названий и выражают понятия. В предложении они выступают в роли подлежащих - мал орж ирв "скот прибли /на стойбище/", сааль экив

"дойка началась", сказуемых - снтрлун ду һарв, һыл прквл, хур эклэд дусв "раздалась раскаты грома, засверкала молния, начал капать дождь", определений - ендр папан гермуд холас үзгдв "высокие белые дома показались издали", дополнений - мэр унад цар тууся улс зуур харһв "по пути встретились всадники, гонящие волов", обстоятельств - Саяд терги дээр дор ормасы һарад суув "Санджи прямо с места вокочил на телегу", манһдур сэн едр болх бээдлтэ "кажется, завтра будет хороший день". Этот разряд слов в словарном составе является наиболее подчёркнутым и потому активно участвует в крупных преобразованиях языка.

Местоименные слова, как известно, употребляются вместо имени, не называя прямо самих предметов: тер холас үзгдв "тот показался издали". Поэтому обозначение предмета не должно начинаться сразу с местоимений: эн э һарв "этот подал голос", т.к. здесь значение местоимения остается в неизвестности. Оно выясняется в речи лишь из предшествовавшей ситуации, а в предложении - контексте: Көвүн эрд ярв "мальчик вошел". Эн э һарв "он подал голос". Таким образом, номинативная способность местоимений весьма ограничена. Они хотя и называют предмет, но называют то, что было уже поименовано, т.е. выступают заместителями самих названий.

Местоименные слова понятий не выражают. Когда же их начинают связывать с понятиями, то они перестают быть местоимениями, переходя в знаменательные слова: Данген би божад бээдгчи юмб? "Что же это такое, что ты всегда влияешь свое я" (досл. "...превращаешь себя в я"). Ыйен бияд тоолчкоч кун "человек, поставивший свое я на видное место, принявший себя за личность".

В предложении местоимения выступают в роли подлежащего - би энд бээнэв "я здесь нахожусь", сказуемого - мийн үр чич "мой друг - ты", определения - идм дегтр олдн кергтэ "такая книга обществу нужна", дополнения - тавиг күлэжэнэ "вас ожидает".

В основном словарном фонде языка местоимения занимают свое особое, довольно обособленное место. Вместе с произ-

водными формами они образуют небольшой круг слов.

Имена числительные калмыцкого языка выражают количество или рядок предметов при их счете, т.е. понятия арифметических чисел, не связанных с реально-существующими вещами: хойр явг "два друга", хойрдгч гер "второй дом". В этих примерах слова хойр "два", хойрдгч "второй" сами по себе значения предметности не содержат. Следовательно, числительные представляют собой наиболее абстрактную часть лексики. Поэтому настоящие числительные лишены номинации и указывают только на счет однородных предметов. Когда же они называют понятия, например, сурһудьч этци һуря ав "ученик получил худуа тройку", һурви бүклэр хойрт хуагдун "три нацело не делится на два", энти неги уга имн би "это дело не без причины", то перестают быть самими собой, а как бы опраделмчиваются, т.е. из понятий, выражающих математические числа, превращаются в особые "вещи".³ В этом случае числительные выступают в роли членов предложения. В таких же, несвязанных с цифровыми данными, числительные самостоятельно, в одиночку не могут быть членами предложения.⁴ Они вместе с существительными образуют составные члены предложения: подлежащее - Кезэна сэвж эмги сэги хойр бээж "давным давно жили были старик да старуха", сказуемое - школд орхдан мана көвүн зурһата билэ "когда пошел в школу; наш сын был шестилетним", определение - хойр хөн "две овцы", дополнение - темэн, барс, чон, арат дөрвнд хот уга болжа "у верблюда, барса, волка и лисы не оказалось пшца".

Числительные в словарном составе стоят особняком, занимая в нем весьма ограниченное место. Производные от них слова также малочисленны.

Служебные слова, к которым относятся послелоги, союзы, частицы, в словарном составе калмыцкого языка также находят особое место. Эти слова противопоставлены знаменательным. Они не могут существовать самостоятельно без знаменательных слов, с которыми сочетаются. Служебные слова используются для связки слов в предложении, а также употребляются в целях выражения разных смысловых оттенков отношений

между знаменательными словами.

Служебные слова никаких предметов, признаков, действий и свойств не называют. Поэтому они лишены исминативных значений. Служебные слова в силу своей неполнозначности не способны выступать самостоятельно в функции членов предложения. Но тогда, когда они получают возможность выражать понятие, переходят в знаменательные слова и становятся членами предложения. В книге "Давид Кугультинов" (М., 1969) Д. Розенблюм пишет: "Стихотворение Давида Кугультинова "Хадрис"⁵... действительно производит полное "впечатление жизни, а не словесности" (с.68). Хууриг мел хөөвн гйдг, хурда мел ош гйдг "ленивец всегда говорит потом, трудолюб всегда говорит сейчас".

Междометия не называют предметы и не связаны с понятиями, а показывают различного рода эмоции: радость, огорчение, страх, испуг, удивление и т.д. Однако в калмыцком языке междометия составляют живой пласт речи и могут иногда оказаться в роли целого самостоятельного предложения или структурного элемента предложения: "Однэ шар буржм мянь аальтдха" - гйдг зальврад кевтнэ (М.Н., К.х., 22) Лежит приговаривая: "Да спасет меня господь мой". Хач, цооб! - гйгэд зиду царан цокад тууһад йовнэ (М.Н., К.х., 30) Мужчина, поговяя быка, покрикивает: "Хач, цооб!"

Особый интерес представляет для стилистики экспрессивная сторона междометных слов, которая выражает высокую эмоциональность и особую интонацию при произношении.

К перечисленным выше незнаменательным словам следует отнести также личные имена и фамилии людей, клички и прозвища животных, названия местностей. В системе языка они тоже не могут выражать понятие. Говоря так, однако, нельзя утверждать, что различные частные названия лишены всякого смысла. Если бы это было так, то незачем было их иметь в языке. Безусловно, в известном понимании они заключают в себе значение. Но значение это ничего общего не имеет с природой самих вещей и ограничивается лишь их названием.

Среди собственных имен особое место занимают имена и фа-

милли отдельных личностей, единственных в своем роде. Так, у каждой нации немало имеется прославленных людей, чьи имена навсегда остались в памяти своего народа. Например, у калмыков широко известны имена Джангар и Хонгор из героического эпоса "Джангар", легендарные Ока Городовиков и Эрдни Деликов — имена прославленных Героев Советского Союза, Баатр Басангов и Ээлян Овла — выдающихся деятелей культуры калмыцкого народа. То же самое можно сказать и об остальных названиях, указывающих на характерные особенности чего-либо, например, Чилгр (букв. "ясный, светлый, безоблачный") — название села, где в 1921 г. проходил Первый Общекалмыцкий съезд трудящихся Калмыкии. Возможность выражать понятия у этих названий гораздо больше, чем у обычных массовых ономастических и топонимических единиц.

Активный и пассивный словарь

С точки зрения степени употребительности весь лексический состав калмыцкого языка делится на активный и пассивный словарный фонд.

Основу активного запаса, куда безусловно входят слова основного словарного фонда, составляют слова понятные и употребляемые всеми говорящими на калмыцком языке: өдмг "хлеб", өдр "день", өмн "жизнь", хууцн "одежда". В то же время активный словарь, в зависимости от социальной и профессиональной обусловленности его носителей, специфичен для каждой группы людей. Для жителей села, конечно, более употребительны слова, связанные с сельскохозяйственным производством: мал "скот", өвсн "сено", хэрүлх "пасты", һазр "поле", ноосн "шерсть" (в речи скотоводов), тэрэн "посев, хлеба", буудя "зерно", урһц "трава, посевная культура" (в речи полеводов). В языке городского населения перечисленные слова не могут быть активными в употреблении, несмотря на то, что они относятся к основному фонду словаря.

В пассивный фонд входят слова будучи и понятные для всех говорящих, но не всегда используемые ими в своей речи. К ним в первую очередь относятся слова специального или терминологического назначения.

Между словами активного и пассивного фонда не существует стены. Напротив, они взаимопереходны: то, что имеется в пассиве может (при надобности) перейти в актив и, наоборот, имеющееся в активе — уйти в пассив. Так, слово ном "религия" когда-то бытовало в узком кругу верующих людей. Теперь оно с потерей своего прежнего значения и приобретением нового (наука, образование) оказалось в гораздо широкой сфере общения. То же можно сказать и о словах самбр "доска", цол "звание" и т.д.

Примерами обратного порядка могут служить слова из прошлой жизни калмыцкого народа: боз "остатки от арьяна после его перегонки", цорһ "труба по которой стекает выкуренная молочная водка", жолм "маленькая юрта", буршмг "поршни, унты" и т.д.

Старая и новая лексика

С понятиями активный и пассивный словарь тесно связаны понятия о старых и новых словах.

В связи с изменениями существующего строя, с развитием материальной и духовной культуры того или иного народа в языке его хотя и медленно, но постоянно протекают два процесса: 1) выпадение из живой речи отдельных слов и выражений и 2) появление новых слов.

Архаизмы. Это такие слова и выражения, которые вышли из повседневного употребления.

Степень архаичности слова бывает различной. В калмыцком языке сейчас многие из архаизмов стали почти неупотребительными. Это объясняется тем, что обозначаемые ими предметы ушли из жизни и поэтому стали неизвестными современному носителю языка. К ним прежде всего относятся слова, обозначающие религиозные понятия, старые обряды, прошлый быт калмыцкого народа и другие стороны его жизни, например, лам "лама, служитель церкви", хурл "церковь", хурмш "старый кусочек войлока", зел "натянутая по земле (на два кола) веревка для привязывания к ней телят и жеребят", маля "плеть".

В языке бывает и так, что названия предметов устаревают и постепенно выходят из употребления несмотря на то, что сами

предметы продолжают еще бытовать, получив уже иное наименование. Примеров архаизмов этого рода в калмыцком языке можно привести немало: *жада* /н/ "грязь" /совр. кир/, *оки* "девушка" /*күүки*/, *мошк* "хобот обуви" /*давхри*/, *күмн* "человек, люди" /*кун*/, *күкл* "косы" /*үсн*/, *Күүкд улси* *эмсдг махлас ям* - *ран олн зүсн янзта*. *Халмг*, *жатаг*, *хатхмрта камчатк*, *гомош*, *хадл*, *бүсдгч-цунар бийслэря зокаста хатхмрта болна* /Э.К., Х.У./ Как разнообразен женский головной убор: *халмаг*, *джатаг*, с вышивками *камчатка*, *томаши*, *халжалги*, *бүсдгчи* - все имеют гармоничные узоры". В статье С.Калыева "Цаһан" /Х.У./ перечисляются следующие названия борцога /варенных в масле мучных изделий/: *һалуна толһа* /букв. "голова гуся"/, *хуцин толһа* /голова барана/, *целвг* /типа блинов, но из крутого теста и гораздо толще, с украшенными краями/, *өврте толһа* /виде головы крупного рогатого скота/, *кит* /круглой формы/, *дола* /повод лошади и других животных/ и т.д.

Устаревшая лексика, несмотря на то, что она в живом языке почти не употребляется, но в общественной жизни еще продолжает находить известное применение. Так, в исторической литературе она довольно обширно используется при описании прошлых событий, когда приходится называть ушедшие от нас предметы и явления действительности. При этом архаизмы должны быть использованы именно в том значении в каком они даны в источнике. Несоблюдение этого неизбежно ведет к искажению истинного смысла самого понятия, о котором идет речь.

В совр мзнном калмыцком языке в большом количестве сохранились архаизмы в составе пословиц, поговорок и фразеологических оборотов: *Деглэ гер өркэн бардг*, *дегд көрсү бийэн бардг* "юрта без дымохода губит свою макушку, желающий быть чрезмерно умным, губит самого себя". *Үкх гиснь үкж уга, үнгн девитэнь үкж* "не тот умер, кому пророчили смерть, а тот, кто ходил в лисьей шубе /имел богатство/". *Ээки тунтг* "пельмени из сада".

Слова, выделенные в этих примерах, сами по себе мало понятны говорящим на современном калмыцком языке. Но, несмотря на это, смысл каждого оборота в целом для нас остается

ясным.

Выход архаичных слов и выражений из словарного состава отнюдь не ведет к обеднению языка в целом. Утраты старого в языке постоянно и непрерывно компенсируются приливом свежих лексических средств, выражающих новые или те же понятия. Причем, количество вновь появляющихся слов далеко превышает число утраченных.

Арханизмы, разумеется, не могут входить в активный фонд языка. Однако отдельные разряды устаревших слов, в частности те, которые вышли из употребления сравнительно недавно, могут снова войти в активный словарь. В калмыцком языке это случилось, например, с такими словами, как зэрлг "указ", сүлд "герб", частр "гимн", һашг "грамота", которые в одно время не употреблялись.

Неологизмы. К ним относятся вновь образовавшиеся слова, выражающие понятия и представления о предметах, появившихся сравнительно недавно.

Новые слова появляются не из "ничего", а из реальных ресурсов самого языка, из возможностей его основного словарного фонда, т.к. в своем создании абсолютно искусственных, ни на чем не основанных слов не существует. Возникновение любого слова будь то термины или наименования, так или иначе базируется на каком-то наличном языковом материале.

Существуют следующие пути создания новых слов: 1) собственный или внутриязыковый, при котором исконные слова возникают за счет материала основного словарного фонда данного языка, 2) внешний, ведущий через заимствование, при котором новые слова приходят в данный язык со стороны, из других языков. Этот путь пополнения словарного состава менее обширен, чем внутренний.⁶

Особенно много слов появляется на базе собственного языкового фонда: нуурлэч "передовик", һардэч "руководитель", дэрдэн "соревнование", шүлглэн "поэзия", тогтац "строй", бүрдэмж "организация" и т.д.

В создании неологизмов большая роль принадлежит калмыцким писателям и журналистам, которые смело и в то же время умело вводят в литературный язык слова, ранее бытовавшие то-

лько в диалектной речи.

В новой лексике особое место занимают термины. Они обычно изобретаются в ходе практики. В калмыцком языкознании наиболее разработанными в этом отношении являются вопросы, касающиеся лингвистической и общественно-политической терминологии.

Степень появления новых слов, особенно заимствованных, зависит от уровня и масштабности происходящих в обществе событий. Например, с победой Великой Октябрьской социалистической революции в национальных языках, в частности в калмыцком, происходит бурный прилив новых слов из русского языка: коммунизм, социализм, колхоз, совхоз и т.д.

Неологизмы в языке бытуют сравнительно недолго: самые удачные из них за сравнительно короткое время своего существования находят широкое применение в речи людей, т.е. входят в активный словарный фонд языка, неудачные, спустя непродолжительное время, забываются. Например, слова совет "совет", правляя "правление", бригад "бригада", фабрик "фабрика" и т.д. в свое время быстро вошли в активный словарь калмыцкого языка, но слова ичхүд "большевики", дээвдлһн "кризис", хүүб "совет", хувсхл "революция", имевшие определенное место в 30-е годы, постепенно вышли из употребления и теперь в этих значениях позабылись.

Заимствованная лексика

Словарный состав любого языка состоит из двух пластов: своего и иноязычного. Основу языка, безусловно, составляют его исконные слова.

Современный калмыцкий язык имеет богатую лексику. Определенную часть ее составляют слова, пришедшие со стороны, т.е. из лексики других языков.

В данное время трудно и почти невозможно установить когда начался процесс заимствования. Однако можно предположить, что иноязычные слова стали проникать в калмыцкий язык еще в дописьменный период монгольских народов.

Заимствования в калмыцком языке можно условно разделить на два периода: ранний (ойратский), когда предки современ-

ных калмыков — ойраты жили в Джунгарии, и поздний калмыцкий, начало которого связано с переселением ойрат-калмыков в волжские и донские степи. Очевидно, что такие заимствования, как вугл "стихотворение", аршан "целебный минеральный источник", авьяс "привычка", боть "том", шатр "шахматы", очр "символ могущества", эрдни "сокровище, драгоценный камень", чиндмөнъ "драгоценность" из санскритского языка; бадма "лотос", бамба "цят", адс "благословение", вачир "скипетр", судр "книга", суврһн "памятник", сумьян "понедельник", мигир или миңгиян "вторник", улмд "среда", пүрвэ "четверг", басц "пятница", бембэ "суббота", адьян "воскресенье" тибетского происхождения, в основном выражающие религиозные понятия, относятся к первой стадии заимствования.

Многие заимствования из тибетского языка впоследствии превратились в собственные имена, например, Нямэ Намджл и т.д.

Из иранских языков заимствованы слова болд "сталь" (перс. пулад), барс "тигр" (перс. барс), булһар "юфть", берсн "ферзь", арслц "лев", дэр "порох" (перс. дару), тоһсн "павлин" (перс. тогод), тарус "арбуз", терз "окно"; из греческого — ном "религия", дегтр "книга"; из арабского — савц "мыло", алмс "алмаз", цув "дождевой плац", эрк "вино"; из уйгурского — буйн "добродетель, благодеяние", зул "лампадка, светильник"; из китайского — тээж "дворянин", ноһн "князь, господин", ям "высокопоставленное место", цонх "окно".

Вероятно, несколько позднее в калмыцкий язык проникли слова тюрко-маньчжурского происхождения — белг "отдел", билг "челант, дар", яр "рана, язва", зэрм "некоторые", зерлг "дикий, полевой", золһ "посещение", засг "закон, уложение", торһа "жаворонок", булмг "мучная каша, изготовленная на масле", аю "медведь", йиртмд "вселенная".

В лексике калмыцкого языка существует кроме того определенное количество слов, общих для монгольских и тюркских языков: хар "черный", көк "синий", алг "пестрый", буурл "челный", шар "желтый", сахл "усы" и другие. Происхождение их при современном состоянии сравнительно-исторической алтаистики невозможно определить.

Калмыцкий народ более 370 лет проживает совместно с рус-

ским народом. В течение этого времени русский язык оказал огромное влияние на развитие лексики современного калмыцкого языка.

Путь, пройденный калмыцким языком за указанный период, следует делить на следующие два больших этапа: дореволюционный и советский.

Примеры из дореволюционного заимствования: гуир "губернатор", болст "волость", орс "русский", прикашк "приказчик", писер "писарь", лавк "лавка", инри "генерал", Эрэсэ "Россия", яарм "ярмарка", чулян "чулан".

После Великой Октябрьской социалистической революции в лексику калмыцкого языка из русского заимствовано большое количество слов, терминов и выражений, например, тарактр "трактор", ушкод "школа", коммунистическ субботник "коммунистический субботник", селэнэ Совет "сельский Совет" и т.д. В настоящее время число заимствований значительно выросло.

Ни одно заимствованное слово, прийдя в чужой язык, не может существовать, не подчиняясь внутренним законам заимствовавшего языка. Слова, принятые в калмыцкий язык из других языков, в частности из русского, также осваиваются, т.е. подчиняются его нормам. Этот процесс проходит по трем обязательным руслам — фонетическому, грамматическому и лексическому.

В фонетической системе калмыцкого языка облик заимствованных слов в той или иной степени меняется. В калмыцком языке известны следующие закономерности фонетической адаптации иноязычных слов, в том числе русских:

1. Выпадение конечных гласных: больниц "больница", автоном "автономия", советск "советский", союзн "союзный", научн-техническ "научно-технический".

2. Присоединение к начальному согласному звуку слова гласного в качестве протезы: арамок "рамка", эрволдц "революция", устул "стул", исткан "стакан" и другие. При этом, как видно из примеров, гласный, следующий за первым согласным, иногда может выпадать.

3. Замена звука ф у заимствованных слов фонемами п или

х: пабрк (паабрк) "фабрика", панр "фонарь", Педр (Пеедр) Федор, херм (хеерм) "ферма", шэпр (шоопр) "шофер", телехон "телефон" и т.д. Однако в настоящее время произношение фонемы ф для современных носителей калмыцкого языка не составляет особых трудностей: футбол, физик "физика", электрификац "электрификация".

4. Появление гласных у слов с двумя и более согласными в начале: турва "труба", пулуг "плуг", парвлян "правление".

5. Удлинение произношения гласных в первых слогах заимствованных слов: пеегур "погреб", заакрм "закрома", боорн "борона". В этом и в других случаях гласные последующих слогов могут редуцироваться, что видно из выше приведенных примеров.⁷

Перечисленные особенности произношения русских слов в основном присущи языку более старшего поколения калмыцкого населения. В языке же современной молодежи заимствованные слова не находят какого-либо заметного акцента.

Грамматическое освоение в калмыцком языке обязательно для всякого заимствованного слова, чего нельзя сказать, как уже отметили, относительно фонетического принципа заимствования. Поступая в словарь калмыцкого языка, иноязычные слова подчиняются его грамматике, например, существительные из русского языка склоняются по падежам калмыцкого языка биргадирт "бригадиру", биргадириг "бригадира", биргадирес "от бригадира"; изменяясь по числам, принимают аффиксы калмыцкого языка - машид "машины", трактормуд "трактора", скирдс "скирды"; теряют родовые окончания - Приозерн район "Приозерный район", тракторн бригад "тракторная бригада", социалистическ дердден "социалистическое соревнование" и т.д.

Что же касается лексического освоения, то немало иноязычных слов, которые, войдя в калмыцкий язык, настолько претерпели изменение и лексически прочно освоены, что трудно их признать чужими: каш "каша", хальш "калач", шикр "сахар", цэ "чай" и т.д.

Займствование из русского языка сейчас осуществляется прямым путем. Однако раннее заимствование из языков других народов во многом совершалось опосредованно, т.е. через какое-

либо промежуточное звено. Так, например, из санскрита, греческого, арабского и иранских языков заимствование, конечно, проходило косвенно, главным образом через тюркские, поскольку в прошлом прямых контактов калмыков с носителями этих языков не было.

В калмыцком языке наряду с заимствованием лексическим существует еще заимствование семантическое — калька, при которой слова и выражения заимствуются путем буквального перевода слов и отдельных их частей. В лексику калмыцкого языка вошли немало таких весьма удачных переводов слов и словосочетаний, идентичных исконным: фермин зачал "управляющий фермой", шову есклнн "птицеводство", шалдрц тулэч "жидкое топливо" и др.

Довольно много калек в калмыцком языке из смешанных сочетаний, в которых один компонент из собственно калмыцкого языка, другой из русского, или наоборот: буудян культур "зерновые культуры", бэарн советмуд "местные советы", социалистическ дорлдэн "социалистическое соревнование" и т.д.

Также нередки в калмыцком языке кальки того же типа, но слившиеся в своих написаниях: электрокүчи "электросила", радиозэңг "радиовесть", телеузгдл "телевидение", цугсоюзн "всесоюзный".

Можно встретить и сложносочинительные типы калек из калмыcko-русского сочетания слов или из одних калмыцких: тэмр-бетонн "железо-бетонный", ясврин-механическ "ремонтно-механический", бүрдэмжин-техническ "организационно-технический", дотр-дундин "внутренний", хаврин тэрэнэ "весенне-полевой".

Калькированными могут быть целые словосочетания: седэнэ советин күцэгч комитетын ахлач "председатель исполнительного комитета сельского совета", дотр-дундин кергүдин министерств "Министерство внутренних дел" и т.д.

Заимствованные слова играют большую роль в обогащении лексики любого языка. Многие из них со временем входят в основной словарный фонд заимствующего языка и постепенно теряют свою чужеземность, становясь для него как бы своим, исконным. Так, сейчас в калмыцком языке такие слова, как билг "талант, способность", белг "отдел, глава", зерлг "дикий",

золһ "навешание, посещение" трудно считать чужими.

Однако заимствование должно совершаться по крайней необходимости, т.е. тогда, когда в заимствующем языке нет своего слова для обозначения нового понятия или предмета. Разумное отношение к заимствованию не только пополняет лексику любого языка, но и обогащает ее.

Фразеология

Словосочетания в калмыцком языке можно разделить на свободные и несвободные. В свободных сочетаниях слова не связаны между собой и лексически полнозначны: секэтэ дегтр "открытая книга". В несвободных сочетаниях связь слов неразрывна: улан һар "голые руки". Такие словосочетания образуют фразеологизмы языка.

Фразеологизмы обычно состоят из двух и более слов: цаһан саван "добродушие", хар һуйр "ржаная мука", ээдмг хөөриг болд одь "получился сыр-бор, хаос", эврэннь махан күүнэ хэеснд чанх "предать близких" (букв. "свое мясо в чужом котле варить").

Фразеологизмы каждого языка всегда специфичны. Самобытность фразеологии калмыцкого языка во многом определяется социальными особенностями жизни его носителей. Так, большое количество фразеологизмов связаны: а) со словами - названиями домашних животных: мернь гүүжэне "везет, сопутствует удача, счастье улыбается" (букв. "мерин его бежит"), темэн гихлэ, яман гих "когда одни говорят о большом, другие это понижают как о маленьком" (букв. "говорят о верблюде, а он о козе"), бууриннь заң медх "знать характер своего хозяина" (букв. "звать норы своего верблюда-самца"), бух болх "властвовать, показывать силу" (букв. "стать быком"); б) предметами кочевого обихода: алтн жола эргүлж ирх "благополучно вернуться домой" (букв. "золотой повод повернув прибыть"), һанзһ улалһж ирх "приехать с добычей" (букв. "торок красным вернуться"), деесэр чолу керчх "сделать невозможное" (букв. "веревкой резать камень").

В калмыцком языке кроме того немало и таких устойчивых сочетаний, в которых глубоко отражаются прежние обычаи, былые

обряды и религиозные верования его носителя: эрк орулх "сва-
тать" /букв. "занести вино"/, цаһан сар кех "отмететь цаган
сар - праздник весны" /букв. "делать белый месяц"/, укр кет-
дүлх "подарить корову" /букв. "дать корову на поводу вести"/,
бурхи шажн "религия" /букв. "бог, религия"/, дэрк ээдлг "да
соизвоит мать божья", долан уулд одг "пусть идет к семи го-
рам" соответствует русскому "ну его к черту". Калмыцкий язык
чрезвычайно богат фразеологическими оборотами. Они отклика-
ются буквально на все стороны общественной жизни народа: быт,
культуру, хозяйство и т.д.

По степени устойчивости фразеологизмы не одинаковы. В кал-
мыцком языке можно отметить три главных вида словосочетаний:
фразеологические сращения /идиоматика/, фразеологические еди-
нства и фразеологические сочетания.

Идиоматическая лексика - это такие неделимые сочетания,
которые по значению близки к отдельному слову. Они обычно не
переводятся дословно на другие языки. Например: салькн тавг
"непоседа" /букв. "ветер пятка"/, хар келн "клевета" /букв.
"черный язык"/, клятн зүрки "хладнокровие" /букв. "холодное
сердце"/, ам адлх "проговориться" /букв. "рот упустить"/, нү-
дөн өгх "уделять внимание" /букв. "отлечь глаза"/ и т.д.

Идиоматические выражения неизменяемы. Они не допускают пе-
рестановки слов местами. К ним нельзя /внутри текста/ приба-
вить слово или опустить один из их компонентов.⁹ Нельзя ска-
зать иначе, как сказано: аман бэрх "сожалеть о чем-либо" /букв.
"закрывать рот"/, тецкэн уга "безмерно, неопишимо", хальгинь
/мольгинь/ авх "нагнать страху, дать строгоча", ибо в про-
тивном случае, сочетание теряет всякий смысл или вообще пе-
рестает быть идиоматизмом.

Идиомами могут быть и отдельные слова, употребляемые в пе-
реносном значении: Эцкинянь цох меднэч "ничего не смыслишь" -
букв. "отцовский висок знаешь". Соответствует русскому "ни в
зуб ногой". Эргэд йир кишг уга, домбр улс тедн /М.Н., К.х., 7У/
Добра не будет оттого, что мы здесь крутимся, негодные люди
они. Хэлэһит тер кишг доскиг /Б.Б., Ө.д.ү., 32/ Посмотрите на
того негодника. В примерах выделенные слова, данные в пере-

носном смысле как "ничего" и "негодник" (два последние), в прямом понимании выражают значения "висок", "домбра" и "до-ска". При этом такие одиночные слова, о чем говорят примеры, в одном случае могут быть идиомами, в другом нет, в то время как лексикализованные сочетания всегда идиоматичны.

Фразеологические сращения или идиомы имеют свои подклассы. В первый из них входят такие сочетания, в которых один из компонентов является слово (редко несколько слов), не имеющее лексическое значение и встречающееся только в одном обороте: зүддэн даах "обходиться без посторонней помощи", аньр уга шицгртхэ "пусть легко переварится (съеденная) пища". Примеры из религиозных притч: ом мэань меднэхи "умоляю благополучия", дэркн гегэн минь аальтн "помогите господи", лам зункв минь аальтн "да поможет лама Зунква", хээрхи өршэтхэ "да сжалится бог", жэхи-жэхи холаһур йов "пройди несчастье (молнии и гром) мимо" - ритуальные слова, произносимые во время сильной грозы, дэрк сэкуся "о, приведение" употребляется при испуге. В этих примерах мы обнаруживаем архаизмы из лексикона буддийской религии. Значения подчеркнутых (устаревших) слов современным носителям калмыцкого языка почти непонятны и установить их семантику можно (что не всегда удается) лишь путем тщательного историко-этимологического анализа.

Второй подкласс идиом составляют сочетания, в которых семантика каждого слова совершенно прозрачна, но общее (суммарное) значение словосочетания не зависит от смысла отдельных его компонентов: алтн һасн "полярная звезда" (букв. "золотой кол"), доһлң эмгн "радуга" (букв. "хромая старушка"), долан уулд бэетхэ "подальше от греха" (букв. "пусть останется на семи горах"), келэн бүлүдх "точить лясн", элкн урсх "убиваться по ком-либо" (букв. "печень растает"). В приведенных сочетаниях все нормально, если смотреть на них с точки зрения современной лексики и грамматики калмыцкого языка. Однако суммарное значение словосочетаний не совпадает ни с одним значением отдельных слов тех же сочетаний. Слова в подобных сращениях, несмотря на свою лексическую полно-

значность и самостоятельность, становятся совершенно незначимыми, т.е. полностью теряют свое предметно-смысловое содержание.

Фразеологические единства. При фразеологических единствах наблюдаются некоторые признаки смысловой самостоятельности слов-компонентов и содержание целого ближе к значениям его составных частей, чем в фразеологических сращениях. В калмыцком языке различаются два основных типа таких словосочетаний:

а) образные фразеологические единства или фразеологические метафоры: хамрарнь цокх "отбить охоту" (букв. "бить по носу"), куунэ һарар моһа бэрх "загрести жар чужими руками" (букв. "чужими руками ловить змею"), цаһан цар бэрх "держат камень за пазухой" (букв. "сзади держать валуны"), ус буддһрулх "мутить воду", эх эргүлх "крутить мозги", ухаһан туһах "глубоко призадуматься" (букв. "ум отстаивать"), хар бэрх "подозревать" (букв. "черное держать"), ут-киятэ "многословный" (букв. "с длинным дыханием"), утхин ир деер "на грани смерти" (букв. "на острие ножа");

б) необразные устойчивые словосочетания, употребляющиеся не в переносном, а в прямом значении: коммунистическ күч-көлснэ бригад "бригада коммунистического труда", социалистическ дөрддөн "социалистическое соревнование", селэнэ Совет "сельский Совет", Халымг таһһч "Калмыцкая область" и т.д. Они являются в основном названиями вещей и понятий. Сюда относятся также и научные термины: бөөлһнэ нерн "имя существительное", номин шинждт "научное исследование", һазр эдлһн "землепользование", керткэ хадун гем "сыпной тиф", аһун кемдэн "мера площади, единица площади", арвадин темдг "десятичные знаки" и т.д.

К фразеологическим единствам относится значительное количество калмыцких пословиц и поговорок: дэ көөд йовад, туула көөх "большое разменять на мелкое" (букв. "погнавшись за врагом, поскакать за зайцем"), цасн деер түүмр шатдг "бывает что и на снегу пылает пожар", цар тергэр туула күцдг "я на бычьей повозке догоняют зайца" и т.д.

В калмыцком языке немало и таких фразеологических оборотов, которые занимают промежуточное звено между фразеологическими сращениями и фразеологическими единицами.

Фразеологические сочетания. По степени устойчивости составных частей собственно фразеологизмы гораздо свободны, чем рассмотренные типы сочетаний, но более ограничены, чем свободные словоупотребления. Здесь понимание значения отдельных слов обязательно для понимания всего целого. Фразеологические сочетания допускают известные замены компонентов: уңгуга од "сгнать с глаз, исчезни" – тохм уга од, муулян эдлх "выстрадать крайние трудности" – зовлңг эдлх, елзетэ күн "счастливый человек" – кишгтэ күн, дээр бэрх "одержатъ верх, победить" – диилвр бэрх, цаһан санан "добродушие" – цаһан седкл и т.д.

Сложные слова

В лексике калмыцкого языка сложные слова занимают видное место. Они состоят обычно из двух и реже более элементов, которые сочетаясь дают одно целостное представление о предметах и явлениях природы.

По типу образования сложные слова разделяются на собственно сложные слова и парные слова.

К собственно сложным словам относятся такие словообразования, второй компонент которых в результате нарушения его фонетической целостности как бы сращивается к корню или основе первого слова, что можно особенно четко проследить на словах, обозначающих времяисчисление, например, эндр "сегодня" (энэ "тот" + едер), маңһдур "завтра" (маңһа "завтрашний" + едер), некэдур "послезавтра" (неке "другой" + едер "день"), өцкһдур "вчера" (өцкел "недавний" + едер "день"), где вторая часть их, данная в различных сингармонических формах, обозначает "день". Сравните также слова энжд "нынче, в этом году" (энэ + жил "год"), хеетндэн "в будущем" (хойто "последующий" + ондо "году"), от него же наречие хеоннь "потом, после" (хойно "позади, после" + нь – часть от слова он "год"), урэн "в позапрошлом году" (урда "раньше" + ондо), едртэн "в течение дня, целый день" (едери идээн "дневная пища").¹⁰ В приведенных словах вторую часть составляют имена существи-

тельные. Однако в создании сложных слов принимают участие и другие части речи: глаголы; местоимения и т.д.

Примеры на сложные слова, образованных от глаголов в форме соединительного деепричастия и вспомогательного глагола бэ- "быть": ирдэ "захаживай, временами навещай" из ирдэ "приидя"+ бэ, келжэ "поговаривай, иногда говори" из келжэ "сказав"+ бэ. Начальный б второго слова в этих случаях выпадает; слова с глагольной основой на -ш // -х и плюс частицы -го - сокращенного варианта отрицания уга "нет": бээшго "не будет существовать" из бээш+ го, келхго "не скажет" из келх "сказать"+ го.

Примеры на слова, образованных при помощи лично-местоименных и притяжательных частиц: -в (би "я"): келнэв "скажу, я скажу" из келнэ би "говорит я"; -видн (бидн "мы") - келнэвидн "скажем, мы скажем" из келнэ бидн "говорит мы"; -ч - келнэч "говоришь, ты говоришь" (келнэ чи "говорит ты"); -т - келнэт "говорите, сказывайте вы" (келнэ та или тадн "говорит вы"); -нэ, -мдн (-м), которые в отличие от других присоединяются только к именам, местоимениям и причастиям, например, туйльнэ алг "теленка ее (коровы) пестрый", бийнэ келдэ "сказал сам", кевумдн эсв "сыновья наши выросли", кевумэсв "сын мой вырос", келснэ келгэ "пусть говорят".

Примеры на слова с другими частицами усиления - чн (от чигн): тачн (та "вы"+чигн) иртн "приходите и вы", кезэчн (кезэ "когда"+чигн) менд болтха "пусть здравствует всегда"; утверждения - мн (мэн) - һарсми (һарсн "вышедший"+ мэн) "да, вышел", келсми (келсн "сказавший"+ мэн) "действительно сказал", где неустойчивый н в причастиях выпадает. Иногда частица -мн сокращается до -м. В этом случае к основам слова может наращиваться лексическая частица -д: тер зогсдасн та-на мэрн бээджм "оказалось, что вон там стоящее - есть ваша лошадь". Санджм "да, действительно, Санджи" и т.д.

Другим более распространенным типом сложных слов являются парные слова. В отличие от собственно сложных слов парные слова образуются аналитическим способом. Несмотря на то, что парные слова произносятся и употребляются в речи совер-

шенно раздельно, они выражают одно понятие, которое часто бывает сложным. Характерной особенностью парных слов является то, что они совершенно не допускают постановки между ними других слов: мал гер "скот, хозяйство, семья", хот хоол "продукты питания", сав-сарх "посуда" и т.д. Если парные слова образуют названия предметов, то они не допускают перестановки компонентов, составляющих пару, например, тэмэн чигн "шавель", тэмр хаалһ "железная дорога", доһлц эмгн "радуга", что иногда допускается в нетерминированных сочетаниях: гер мал - мал гер "семья и все хозяйство", идх-уух - уух идх "все, что можно поесть, попить", махн-өөкн - өөкн - махн "мясо-сало". В парных названиях также нельзя заменять одно из слов: манж авһ "тарантул", ө шуһу "глухой, непроходимый лес", хур чиг "влага, осадки". Эти особенности не должны нарушаться ни при каких обстоятельствах. В противном случае парные слова перестают быть однозначными и теряют свою специфическую черту.

По лексико-семантическим признакам парные слова делятся на следующие три группы: 1) собственно парные слова, 2) повторы, 3) редупликация.

Собственно парные слова состоят из двух лексически самостоятельных слов: наадн инэдн "шутка" (букв. "игра, смех"), үкр тэмэн "скот" (букв. "корова, верблюд"), бүрү туһл "молодняк от крупного рогатого скота" (букв. "бычок, теленок"), шулун шудрмг "проворный, шустрый" (букв. "быстрый, проворный"), сэн сээхн "дружно, ладно" (букв. "хорошо, красиво").

Некоторые слова в таких сочетаниях могут оказаться архаичными: хувцн хунр "одежда" (хувцн "одежда"). Второе слово хунр (в корне тот же ху-) некогда имело также значение "одежда". Теперь оно самостоятельно не употребляется. Зүсн зүүл "разные, всякие" (зүсн "вид, масть"), слово зүүл (в корне также зү-) содержит то же значение что и зүсн, но как значимое слово в речи не встречается.

Парность может строиться и по видовому сходству предметов, что особенно часто встречается при номинациях, например, нарн цецг "подсолнух" (букв. "солнце цветов"), шар харһа "со-

сна" /букв. "желтое дерево"/, үкр бу "пушка" /букв. "бык, ружье"/.

Под повторами понимают повторение одного и того же слова или основы его: эндр эндр "высокие высокие", цатхлң цатхлң "сытые сытые", шулун шулун "быстро быстро".

В повторах подобных махн сахн "мясо и все подобное ему", модн содн "дерево и все, что относится к нему", шикр микр "сахар и прочие сладости", бичг сичг "письмо и тому подобное" последующие слова не значимы и каждое сочетание в целом имеет собирательное значение.

Повторы с морфологическим оформлением во втором слове представлены словами типа хошад-хошадар "по двое, по пару", адд аддар "по сажени", хая хаяд "иногда", бээж бээжэд "временами", шулун шулунар "быстро быстро" /с выпадением -н- во втором слове/, уух уухар "по /данной/ потребности в питье", идх идхэр "по /данной/ потребности в еде". Такие повторы образуют только наречные слова.

Редупликация - это то же самое удвоение. Но здесь употребляются основы слов с усеченными конечными словами в препозиции: хаб хар "совершенно черный", шаб шар "желтый прежелтый", гев гентки "внезапес, вдруг". Первые компоненты этих пар, что видно из примеров, всему сочетанию придают усиленное или превосходное качество и в конце их обычно вставляется согласный -б /-в/.

В современном калмыцком языке сложные слова образуются от различных частей речи и являются весьма продуктивным средством образования новых слов, за счет которых постоянно пополняется и обогащается словарный состав калмыцкого языка.

Стилистические пласты лексики

Весь словарный состав калмыцкого языка можно разделить на различные стилистические пласты.

- Нейтральная /межстилевая/ лексика. К ней относятся слова главным образом основного словарного фонда, данные в прямом значении. Употребление и понимание ее однородно, т.е. не связано ни с какими объективными и субъективными сторонами отношения к ней носителей языка: өдмг "хлеб", махн "мясо", гер

"дом", ухав "мысль", байр "радость", шян "новый", оэехи "красивый", йовх "идти", кедлх "работать", неги "один", арвн "десять", деер "наверху", дора "внизу".

Другие пласты составляют эмоционально (экспрессивно) окрашенные слова и словосочетания, относящиеся к высокому или низкому стилю, сравните, слова идх "есть, кушать" (в нейтральном стиле) – зооглх (в высоком стиле) – худрх "жрать" (в низком), употребленные в одном и том же значении.

Стилистически окрашенная лексика в свою очередь распадается на: 1) книжную лексику, 2) разговорно-бытовую лексику.

Книжная лексика. Она прежде всего характерна для письменной речи. Это в основном язык художественной и учебно-педагогической литературы, публицистики, научных трудов, официально-деловых документов. Например, Эднэ өмн элзэтэ өргн зам хаалһнь улм герлте өөдмүр солдтрж кетлж йовна (Д.Б., Ч.х., 286) Широкая и счастливая дорога, что стелится перед ними, путеводной звездой ведет их к еще более яркой вершине. Улмэ зэңг һол зэңгэс кезэчи цеглэчөр салһгдна "Придаточное предложение от главного предложения всегда выделяется запятой". Һазрия чирэ деерэс кулакудин классиг арчх өмн, үүрмүд... (М.Н., К.х., 127) Друзья! Кулачество нужно стереть с лица земли как класс. "Һаңһрия" бөлгүдиг һол төрмүдөрнь, оln таласнь бидн ода бийнь күцц шинжлэд угавидн (К.Т., Ж., 4) Песни "Джангара" мы и сейчас широко не исследовали по основным проблемам.

К книжной лексике полностью относится научная терминология, т.к. она по своей специфичности употребительна лишь для узкого круга лиц: тоолгч нерн (линг.) "имя числительное", эсв (матем.) "задача", шүлкэ (биол.) "ящур", тив (геогр.) "часть света" и т.д. Однако степень книжности слов, входящих в ту или иную лексику, для каждой разновидности письменной речи не одинакова. Так, для языка научных трудов характерны сугубо книжные слова, чем для языка художественной или публицистической литературы, т.к., например, язык художественной литературы стилистически довольно пестр. В него могут входить и нейтральные слова, и слова устной речи, а также слова высокого и низкого стилей.

Лексика устной речи. В зависимости от стилистической окрашенности слов, лексику устной речи следует делить на следующие две группы:

1. Разговорно-бытовая лексика. К ней относится обыденная речь между людьми в непринужденной обстановке: в семье, на работе, при встрече с товарищами и т.д. Она широко употребляется в различных жанрах художественной литературы, а также, правда, несколько реже, и в публицистических произведениях для характеристики персонажей. В учебниках, деловых бумагах и в специальных литературах использование разговорной речи строго запрещается.

2. Просторечная лексика. Это такие слова и выражения, которые не вошли в литературную норму современного калмыцкого языка. В большинстве своем они бывают грубого или вульгарного содержания: цохдх "мордасить" вместо литературного цокх "бить, ударить", мөөрслх "орать" вместо литературного хээкрх "кричать", холядх "беситься от жиру, болтаться без дела" — амрх "отдыхать, быть без дела".

В определенных контекстах, будучи употребленными в переносном смысле, просторечными могут оказаться и вполне литературные слова и наименования: адусн, маалыг "скот, скотина" в переносном смысле выражают негодование к кому-либо в смысле "мерзавец", донам "домовой, черт" переносно употребляется как бранное слово "ведьма" и т.д.

Диалектная лексика

Калмыцкий язык различает два основных говора: дербетский и торгутский. Особенности каждого из них обнаруживаются в различных разделах калмыцкого языкознания.

Названные говоры в свою очередь делятся на подгруппы: II багадербетовский, икидербетовский и бузавинский (донской),¹² относящиеся к первой группе, и икицохурско-багацохурский,¹² волжско-каспийский (хошуты, яндыко-мочажинцы, эркетеновцы),¹³ принадлежащие второй группе.

Диалектная лексика находится за пределами литературного языка. Однако нередки случаи, когда диалектные слова переходят в лексику литературного языка, в его основной словарный фонд. Посредником в этом процессе служит печать, необя-

но периодическая.

В настоящее время большое количество диалектных слов вошло в общий фонд калмыцкого языка: аарх "белялка", ковныг "копна", жахр "якорь", дялк "парус" и т.д.

Немало слов из разных языковых подразделений в общеязыковом употреблении стали синонимами: ерэ и хора "комната", альдаран и хамаран "куда", бэрг и түнтг "пельмени", биил и ценг "вилы" и другие.

В калмыцком языке нельзя не отметить и такой разряд слов как этнические диалектизмы¹⁴ - слова характерные для хозяйственной деятельности и быта определенной местной группы людей на данной территории, т.е. узко локальные названия вещей.

Примерами местного названия такого типа могут быть наименования рыб, рыболовецких снастей, наволных средств передвижения и номинация их частей, весьма распространенных в восточных (прикаспийских и нижеволжских) районах Калмыкии: бекр "осетр", мэ "сельдь", ботаха "судак", кет балг "карась", дяалг "сом", хорв "бедуга", цевц "белорыбица", урх "снасти", пашдг - яртг "ванты", кимшэс "толстая парусина", сэрпу "тонкая парусина", нашар "брэзент", бурм "мост" и т.д., которых трудно встретить в других географических точках республики.

Примечательно то, что этнические диалектизмы являются одним из источников пополнения основного словарного фонда современного калмыцкого языка.

Специальная или профессионально-терминологическая лексика

Термины своим появлением обязаны той или иной отрасли науки, производства и любой другой деятельности человека.

В современном калмыцком языке термины рождаются для обозначения новых вещей, предметов, понятий или явлений. Но говоря так, под словом "рождаются" не следует понимать появление совершенно новых слов, ранее вообще неизвестных в калмыцком языке. Рождаются, конечно, новые вещи, предметы, понятия, но не абсолютно новые слова. Для обозначения всего этого нового используются обычные, имеющиеся в языке слова или словосочетания, а не придуманные или созданные искусственным пу-

тем средств.

Характерными особенностями для терминов являются признаки однозначности и стабильности.

Термины существуют в определенной системе. Обычные слова, употребляющиеся в общем языке, попадая в терминологическую систему, приобретают однозначность. Например, в общем языке слово немур означает "прибавка, добавка". В математике оно в качестве термина выражает понятие "слабоумные члены", суур "место, сиденье, занимаемая площадь" - в математике - "основание", гесн "живот, желудок" - в анатомии "кишечник, кишки", газр "земля" - в геологии "почва" и т.д.

Бывает и так, что один и тот же термин может входить в разные терминологии: бөөр (анат.) "почки" - бөөр (матем.) "бедро", цол (геогр.) "проталина" - цол (общ.-полит.) "учебная ступень", эрки (религ.) "четки" - эрки (строит.) "порог (урты)".

Отдельные слова существуют только в системе терминологии, например, кийсквр (линг.) "падеж", эсв (матем.) "задача", тив (геогр.) "континент", хундг (техн.) "приклад ружья".

В языке немало слов, употребляющихся и как термин, и как нетермин: мал "скот", для специалистов сельского хозяйства - это термин (ср. бод мал "крупный скот", зижг мал "молкий скот"), для широкого круга населения - обычное общеупотребительное слово, хавдл "дорога" - термин инженерно-дорожного дела, в общезыковом понимании - "путь". Таким образом, из сказанного следует заключить, что между словами терминами и нетерминами существует закрытой стены. Напротив, пути для взаимного влияния между ними всегда открыты. Однако, проводя такую связь между терминами и нетерминами, следует помнить, что термины - это специальные слова, ограниченные в своих значениях, стремящиеся быть однозначными, не нуждающиеся в контексте и не обладающие экспрессивной стороной.

Пути образования терминов различны. Значительная часть их создается за счет: а) собственного лексического фонда: дөрлэн "соревнование", мах боддлне "мясо-заготовка", үснэ мал "дойный скот", харудлне газр "выпасные угодья"; б) заимств -

лования (в основном из русского или через него из других языков): ракет "ракета", поэм "поэма", культур "культура", парть "партня", конституц "конституция" и т.д.

Основными средствами образования терминов, как и слов вообще, являются суффиксы и словосочетания: жолач "водитель, шофер", келгч "сказуемое", үүлһн "раздробление", үүлдвр "деятельность", хадвр үзг "согласная буква", олы темдгте то "многозначное число", уулмудн цова "горный хребет".

С н о с к и

- I Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1967, с.80
- 2 Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с.17
- 3 Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1967, с.72
- 4 Реформатский А.А. Указ.соч., там же
- 5 Хадрис - восклицание во время пляски
- 6 Подробное об этом излагается в разделе о заимствовании
- 7 Илшгнн И.К. О заимствованных словах и терминах в калмыцком языке. Записки. Выпуск I, Элиста, 1960, с.158-159
- 8 Павлов Д.А. О развитии лексики калмыцкого языка за счет внутренних его ресурсов. Ученые записки. Вып.7. Серия филологическая. Элиста, 1969, с.139-140
- 9 Будагов Р.А. Очерки языкознания. М., 1959, с.83
- 10 Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с.74-75
- 11 Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык. Элиста, 1968, с.8-9
- 12 В этих словах элементы бага и яки - соответственно означают мало-, больше-
- 13 Подр. см.: А.Ш.Клячков. Дербетский говор. Элиста, 1963, с.3-5
- 14 По О.Ахматовой. Словарь лингвистических терминов. М., 1969